

УДК 341.41/.46:327.8(73)

Международные преступления как продолжение современной внешней политики США и их союзников

Л.А. Лазутин,

доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой международного и европейского права
Уральского государственного юридического университета
Россия, Екатеринбург
mp@usla.ru

Рассматриваются наиболее распространенные международные преступления, совершаемые США и союзниками в рамках своей внешней политики, и дается правовая оценка этих преступлений.

Ключевые слова: международное преступление, агрессивная война, преступления против человечности, военные пре-

Анализ современной политической ситуации свидетельствует о том, что страны мира, при всем их многообразии, так или иначе вынуждены сталкиваться с общими проблемами и вызовами. Внешняя политика США и их союзников привела к значительному увеличению числа международных преступлений, в результате которых наступают тягчайшие последствия не только для враждующих государств, но и международного сообщества в целом. Комиссия международного права ООН отмечает, что международные преступления являются столь серьезными или значительными и совершаются в столь массовых и широких масштабах, что представляют собой угрозу для международного мира и безопасности.

Из всех международных преступлений агрессивные войны всегда причиняли наиболее ощутимый ущерб человечеству. Две мировые войны привели к гибели около 60 млн человек и уничтожили огромное количество материальных и культурных ценностей. Факты свидетельствуют о том, что война устойчиво доминирует в жизни человечества. К. Маркс в свое время утверждал, что война «раньше достигла развитых форм, чем мир...» [17, с. 735].

Сложившийся после Второй мировой войны биполярный мир, в котором доминировали две противоположные системы, противоречил принципу суверенитета государств, предусмотренному как основа Вестфальской системы мира. В еще большем противоречии с Вестфальской системой оказался мир однополярный, сложившийся после распада СССР. Полным суверенитетом располагала только одна страна — Соединенные Штаты Америки. К ней достаточно жестко привязаны ее ключевые партнеры, составляющие «большую восьмерку», пять из них — союзники США по НАТО: Великобритания, Франция, Германия, Канада, Италия. К ним примыкает Япония, находящаяся с США в отношениях военного союза по дого-

вору 1961 года, и Россия, состоящая с США в отношениях стратегического партнерства. Из всей «семерки» только Россия оспаривала главенствующую роль Соединенных Штатов и выступала в роли партнера США избирательно: по одним вопросам поддерживала Вашингтон, а по другим дистанцировалась от него и даже подвергала его действия жесткой критике.

Политологи называют период с 1991 по 2001 годы «полицентричной однополярностью», суть которой заключалась в реализации исторического проекта на базе экономической, военно-политической и этико-правовой общности стран Запада и распространении этих стандартов на весь мир [10, с. 26—27; 22, с. 583—639]. В основе этого проекта лежала: а) доктрина «расширения демократии» (1993 год), воплощаемая в «цветных революциях»; б) концепция расширения НАТО (1996 год) посредством включения бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы и распространения влияния НАТО за пределы Северной Атлантики; в) доктрина превентивных ударов; г) доктрина демократизации Большого Ближнего Востока, особенно государств Северной Африки и Центральной Азии.

Данный проект не мог не вызвать сопротивления у многих стран данных регионов, которое зачастую приводило к локальным вооруженным конфликтам и террористическим действиям со стороны оппозиционных сил. Ярким примером «асимметричного ответа» на реализацию проекта «полицентричной однополярности» стали террористические акты в США 11 сентября 2001 года. Именно с этого момента, как отмечают многие политологи, началось «крушение» однополярного мира, закончившееся в настоящее время [10, с. 27—30].

Мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального

взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения.

Таким образом, мы видим, что внешняя политика США и их союзников, проводимая в начале XXI века, послужила причиной ряда международных преступлений.

Совершаемые в мире преступления с точки зрения международного уголовного права подразделяются на преступления против мира и безопасности человечества (международные преступления) и преступления международного характера.

К международным преступлениям относятся: а) агрессивная война; б) вооруженные агрессивные акции; в) преступления против безопасности человечества; г) военные преступления; д) ввод вооруженных сил на территорию иностранного государства для вмешательства в его внутренние дела.

Рассматривая эволюцию этих видов международных преступлений, следует отметить, что человечество не сразу стало признавать их таковыми — понадобилось достаточно длительное время для осознания всей пагубности подобных преступлений.

Рассмотрим некоторые виды международных преступлений.

1. Агрессивная война. Развязывание агрессивной войны как наиболее тяжкое международное преступление неразрывно связано с понятием «применение противоправной силы». В Уставе ООН 1945 года понятие противоправной силы включает в себя применение силы и угрозы силой, направленной против территориальной целостности, неприкосновенности или политической независимости любого государства, либо осуществляемой каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН. Более того, по смыслу Устава ООН противоправным применением силы является не только военная сила, но и применение экономического, политического и иного давления на суверенное государство. Именно данное понимание силы не находит адекватного подхода со стороны ряда государств, и прежде всего США.

В современных международных актах словосочетание «агрессивная война» встречается крайне редко. В международном праве доминируют термины «агрессия», «применение силы», «вооруженное нападение», «вооруженный конфликт».

В Уставе ООН термин «война» употреблен только в п. 1 Преамбулы (если не считать ст. 107, в которой он употребляется относи-

тельно Второй мировой войны). В приговоре Нюрнбергского военного трибунала агрессивные действия фашистской Германии квалифицируются как «агрессивная война» только в отношении СССР и США [19, с. 144].

В середине XX века профессор Д.Б. Левин поставил вопрос о подмене понятия «агрессивная война» понятиями «применение силы», «агрессия» или «вооруженное нападение» [13, с. 35]. Он отмечал, что эти понятия нельзя смешивать, ибо «агрессивная война является и продолжает оставаться наиболее опасным и влекущим наиболее широкую международную ответственность видом вооруженной агрессии» [13, с. 35].

В Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 26.12.2014 (далее — Военная доктрина РФ), нет понятия «агрессивная война». В ней даются понятия военного конфликта, вооруженного конфликта, локальной, региональной и крупномасштабной войны.

Широко известное ленинское понимание войны как продолжения политики насильственными средствами [14, с. 224] не утратило своей актуальности и в настоящее время. Это подтверждается военными действиями в Ираке, Сирии и других регионах, где существующие режимы не отвечали национальным интересам США. Понятие агрессивной войны складывается из двух составляющих: понятия войны и понятия агрессии. Эти два понятия находятся в тесной взаимосвязи, поскольку развязать войну можно исключительно агрессивными (враждебными) действиями, хотя само понятие «агрессия» с точки зрения его определения в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1974 года отличается от понятия «война». Понятие «война» не имеет в настоящее время общепризнанного определения в международном праве. В соответствии со ст. 6 Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 года к преступлениям против мира были отнесены планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий. В данном изложении эта статья вряд ли может считаться дефиницией, поскольку отсутствует четкое правовое понятие войны как международного преступления. В советской доктрине война рассматривалась как борьба между государствами или классами средствами вооруженного насилия, представляющая собой продолжение той политики, которую эти государства и классы проводили до войны. Марксистско-ленинская теория исходит из того, что войны бывают

двух родов: войны справедливые, т. е. не захватнические, освободительные, и войны несправедливые, захватнические [4, с. 306].

В Военной доктрине РФ 2000 года и 2010 года [23] войны разделяются на справедливые и несправедливые. Под справедливой войной понимается война, не противоречащая Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущаяся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии. Несправедливая война — это война, противоречащая Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающая под определение агрессии и ведущаяся стороной, предпринявшей вооруженное нападение. Оценивая данную классификацию, М.В. Андреев отмечает определенные неточности в формулировках «справедливые войны» и «несправедливые войны»: «в соответствии с Уставом ООН (п. 4 ст. 2) все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения. Более того, после принятия Устава ООН, которая определила своей главной целью избавить грядущие поколения от бедствий войны, назвать любую войну (даже оборонительную — в ней тоже гибнут люди) справедливой сложно. Поэтому более корректной была бы классификация всех войн на правомерные и неправомерные» [1, с. 42—43]. Безусловно, данное положение имеет определенный смысл, и в военной доктрине РФ 2014 года нет разделения войн на справедливые и несправедливые, но с точки зрения морально-нравственной оценки определения «правомерные» и «неправомерные» как бы сглаживают всю тяжесть данного преступления. Так, трудно себе представить оценку правомерности Великой Отечественной войны 1941—1945 годов со стороны советского народа.

В соответствии с действующими в настоящее время источниками международного уголовного права, в частности с Римским статутом Международного уголовного суда (МУС) 1988 года (далее — Римский статут) и Резолюцией RC/Res.6*, принятой на XIII пленарном заседании государств — членов МУС 11.07.2010, понятия «агрессивная война» и «преступления агрессии» по своему содержанию и юридической сути являются тождественными.

В ст. 8-бис Римского статута, в частности, указано:

1. ... «преступление агрессии» означает планирование, подготовку, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава ООН;

2. ... «акт агрессии» означает применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН. Любое из следующих действий, независимо от объявления войны, будет квалифицироваться в соответствии с резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 в качестве акта агрессии:

a) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы на территории другого государства или ее части;

b) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

c) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

d) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;

e) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;

f) действия государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

g) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или его значительному участию в них.

В ходе Кампальской конференции 2010 года государства — участники Римского статута пришли к соглашению по самой важной поправке к нему, касающейся преступлений агрессии [20]. Впервые в истории у мирового сообщества появилась норма международного уголовного права, четко определяющая границы *jus ad bellum*.

Второй вице-председатель МУС Ханс-Петер Кауль в своем выступлении на Международной научно-практической конференции «Мартен-

ские чтения», проходившей в Санкт-Петербурге в 2011 году [21], коснулся двух ключевых элементов определения преступления агрессии: «Первый ключевой компонент нового определения преступления агрессии — это то, что в нем проводится четкое различие между деянием государства, которое влечет за собой ответственность государства, и деянием отдельного лица, фактически осуществляющего контроль над политическими и военными действиями государства, которое влечет за собой индивидуальную уголовную ответственность. Второй — это так называемое требование, установленное в ст. 8 Римского статута. Согласно этому требованию, акт агрессии со стороны государства должен в силу своего характера, серьезности и масштабов являться грубым нарушением Устава ООН» [21].

Нельзя не согласиться с короткой оценкой данного преступления, но следует отметить, что акт агрессии включает в себя совокупность трех компонентов: а) характера преступления; б) серьезности или плана преступления; в) масштабов преступления. Именно в совокупности этих составляющих акт агрессии следует считать грубым нарушением ст. 2 (4) Устава ООН.

Таким образом, понятие «агрессия» созвучно понятию «агрессивная война», которая ведется агрессором против суверенного государства с целью захвата части его территории или лишения его самостоятельного государственного существования и сопровождается разрывом всех отношений мирного времени, в том числе дипломатических, консульских и иных связей.

Агрессивная война является таковой независимо от того, имеет место объявление войны или нет. Из этого отнюдь не следует, что международно-правовые нормы относительно объявления войны утратили силу. Для государства, начинающего войну первым, акт объявления войны не означает освобождения его от ответственности за развязывание агрессии. Однако внезапное нападение без объявления войны усугубляет эту ответственность, так как означает нарушение не только норм о запрещении агрессивной войны, но и норм, касающихся ведения войны.

Наиболее типичным примером агрессивной войны является война гитлеровской Германии против СССР и его союзников в ходе Второй мировой войны.

Агрессивные войны, имевшие место после Второй мировой войны, к сожалению, не получили такой квалификации и соответствующего осуждения со стороны ООН. Это объясняется тем, что, по мнению западных экспертов, понятие «война» с правовой точки зрения в Уставе ООН отсутствует, и лучше было бы вместо выражения «агрессивная война» употреблять другое выражение, например «вооруженная агрессия», а следовательно, и основания ответвен-

ности государства, развязавшего войну, приобретают несколько иной смысл. Данная подмена понятий направлена на отвлечение международной ответственности от осуждения за развязывание войны и уход от ответственности.

В праве международной безопасности до сегодняшнего дня нет четкого ответа на вопросы, какое вооруженное нападение является противоправным и какими должны быть средства и методы отражения агрессии, чтобы государство, отражающее агрессию, само не было признано агрессором.

Казалось бы, ответ на поставленный вопрос дан в Уставе ООН, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» 1974 года, а также в Римском статуте. Однако реальная действительность и происходящие события в мире, связанные с военными действиями в ряде регионов, свидетельствуют о пробеле в существующем международном праве. Как отмечает С.В. Черниченко, «перечень актов, образующих состав вооруженного нападения в ст. 3 “Определения агрессии”, не является исчерпывающим. Возникает опасение, что к этому перечню любым заинтересованным государством могут быть добавлены акты, которые беспристрастным наблюдателем не могут расцениваться как вооруженное нападение. Практика подтверждает это опасение. Достаточно сослаться на вторжение США в Панаму, завершившееся захватом президента Норвегии, поводом для которого послужило нападение на нескольких американских военнослужащих. Расценивать такого рода нападения как вооруженное нападение на государство, дающее право применять ст. 51 Устава ООН, можно, лишь обладая богатым воображением» [25, с. 462]. Сегодня подобных примеров достаточно (вторжение в Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию и т. д.).

Таким образом, ответ на поставленный вопрос прост: только Совет Безопасности ООН может определить перечень действий государств, образующих объективную сторону состава агрессии, и дать им правовую оценку.

Современное международное право рассматривает возможность развязывания крупномасштабной (мировой) войны как незначительную. Сдерживающим фактором является наличие ядерного оружия у потенциальных противников, которое делает бессмысленным развязывание подобной войны, победителем в которой не может быть ни одно государство. Но отрицать возможность возникновения отдельных агрессивных войн, которые могут перерасти в крупномасштабную, ошибочно.

Данное положение подтвердил в своем выступлении перед участниками Валдайского клуба в октябре 2014 года В.В. Путин. Он отметил: «В мире накопилось множество противоречий. К сожалению, гарантий того, что суще-

ствующая система глобальной и региональной безопасности способна уберечь нас от потрясений, нет. А от прямого столкновения большие страны удерживает не баланс интересов и взаимных гарантий, а страх взаимоуничтожения» [2, с. 8].

2. Вооруженные агрессивные акции. Наряду с агрессивной войной и агрессией в современном мире наиболее распространенным видом международных преступлений являются вооруженные агрессивные акции, то есть вооруженные нападения, не обладающие признаками, присущими агрессивной войне или агрессии. Эти агрессивные акции могут носить как единичный, так и массовый характер. Отличительной чертой таких агрессивных акций является вооруженное давление на государство с целью заставить выполнить те или иные требования агрессора или под предлогом борьбы с терроризмом или иными преступными действиями государства свергнуть неугодный существующий режим.

Наиболее ярким примером агрессивных актов такого рода являются систематические бомбардировки с воздуха вооруженными силами США и НАТО городов и других населенных пунктов Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии и т. д. В ряде случаев вооруженные агрессивные акции предпринимаются государствами под предлогом возмездия, то есть под предлогом репрессалий. Репрессалии (позднелат. *repressaliae*, от лат. *reprehendere* «удерживать, останавливать») — правомерные принудительные действия государства, предпринимаемые в ответ на наносящие ему моральный или материальный ущерб действия другого государства, осуществляемые в нарушение норм международного права [5, с. 462]. До окончания Второй мировой войны международное право допускало вооруженные и невооруженные репрессалии, о чем свидетельствует положение Резолюции Парижской сессии Института международного права 1934 года «Режим репрессалий во время мира». В ст. 3 этого документа говорилось: «Репрессалии бывают различных категорий. А именно, различаются репрессалии вооруженные и репрессалии невооруженные. Вооруженные репрессалии суть такие, которые предполагают обращение к какой бы то ни было форме силы: военной, морской или воздушной» [29, р. 168]. Такая постановка вопроса позволяла более «сильным» государствам оказывать вооруженное давление на «слабых», используя заранее продуманный предлог.

Несмотря на то что современное международное право запрещает вооруженные репрессалии, Соединенные Штаты Америки, используя свое военное и экономическое превосходство, зачастую проводят их в нарушение ст. 51 Устава ООН, которая определяет порядок при-

менения военной силы. Доказательством этому являются вооруженные акции в отношении Ливии, Ирака, Сирии, вооруженное вмешательство в Афганистан, расчленение Югославии и непосредственное внешнее вмешательство во внутренние дела Сербии и других государств.

Мы уже говорили о том, что только Совет Безопасности ООН может дать квалифицированную оценку действиям государств по отношению к другому государству, признав их правомерными или неправомерными. Почти все вышеуказанные агрессивные акции, совершенные США и союзниками по НАТО, были предметом обсуждения в Совете Безопасности ООН и получили неоднозначную оценку. Многие государства осуждали и осуждают данные действия США и НАТО, но, учитывая сложившуюся в начале 1990-х годов однополярную унифицированную систему мира, в которой, по сути, размыт институт международного права и национальный суверенитет как основа международной правосубъектности государств, можно говорить о том, что США диктовали свою волю, не считаясь с интересами других государств и международного сообщества в целом.

Агрессивные акты как вид международного преступления в современном мире не находятся под юрисдикцией ни одного из международных судов. Даже юрисдикция МУС ограничена конкретными преступлениями, такими как геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии. Таким образом, государства, разрабатывая Римский статут, пошли по пути предельного ограничения круга преступлений, относящихся к его юрисдикции. И хотя США не являются членом МУС, признание такого вида преступлений, как агрессивные акции, сдерживало бы подобные действия со стороны США и их союзников.

Нельзя не вспомнить о том, что, рассматривая агрессивные акции США, Комиссия международного права под давлением США и их партнеров отказалась от намерения дать в своем проекте общую формулировку «преступления по международному праву». Преступлениями считались геноцид, агрессия, нарушения законов и обычаев ведения войны и преступления против человечества. Как мы видим, этот перечень преступлений был определен статутами послевоенных международных трибуналов, причем он рассматривался не как примерный, а как исчерпывающий [7, с. 50]. Мы уже говорили о том, что такой подход абсолютно неверен. После событий, произошедших в США 11 сентября 2001 года, в связи с признанием актов терроризма агрессией против государства, а по своей сути эти террористические действия сродни агрессивным

актам, актуальным стал вопрос о масштабах и соразмерности осуществления мер воздействия в ответ на подобные акты терроризма, их адекватности.

Так, по мнению О.Н. Хлестова, одним «из путей в этом направлении является признание права на самооборону в связи с актами международного терроризма, а также права на вторжение в пределы другого государства» [26, с. 54]. Следует не согласиться с данным мнением, особенно в той его части, где речь идет о вторжении в пределы другого государства. В данном случае «потерпевшее» государство становится агрессором по отношению к другому государству, ибо террористические акты совершали конкретные лица или террористические организации, имеющие весьма условные отношения к государству, даже если последнее рассматривается как враждебное (террористическое). Наглядным примером является политика Соединенных Штатов после 11 сентября 2001 года. Попытка создания антитеррористической коалиции явилась лишь способом для осуществления своих амбициозных целей. Мир убедился в том, что ни Совет Безопасности ООН, ни ОБСЕ, ни другие международные организации, способные обеспечить правовую основу для совершаемых США — пусть и правомерных — действий, им не нужны. В результате многие государства, и особенно страны арабского Востока, убедились в том, что человечество вступило в новый век, в котором, как и раньше, главенствующими являются не принципы разума и гуманизма, не нормы международного права, а фактор силы, что делает мир еще более хрупким и незащищенным [10, с. 31].

До сегодняшнего дня нет ответа на вопрос, на каком основании США объявило войну Афганистану. Как справедливо отмечает С.В. Кортунов, США присвоило себе право наказывать все подозреваемые страны без всяких санкций ООН. Такая тенденция находится в вопиющем противоречии с нормами международного права и самими основами Вестфальской системы международных отношений [10, с. 31]. Более того, используя как предлог борьбу с международным терроризмом, Соединенные Штаты Америки определили для себя конкретные цели: а) политический разгром исламского фундаментализма как препятствия на пути установления американского мирового порядка; б) установление контроля над не угодными США мусульманскими странами; в) усиление контроля за нефтеносными районами в зоне между Каспием и Персидским заливом и обеспечение безопасности маршрутов движения соответствующих энергетических потоков; г) понижение политического статуса союзников США и НАТО.

Достижение этих целей возможно различными средствами, не исключая и агрессивные

акты, которые реально осуществляют США.

В практике отдельных государств применяется такой способ агрессивных акций, совершаемых под предлогом репрессалий, как военные провокации. Понятие военной провокации отсутствует в официальных справочных материалах. Известный советский международник профессор Д.Б. Левин отмечал: «Военные провокации — это враждебные действия, совершаемые вооруженными силами одного государства против другого государства, для того чтобы побудить последнее к ответным враждебным действиям и таким путем создать военный конфликт с ним» [13, с. 59]. Подобные провокационные действия становятся нормой для государств, чьи национальные интересы становятся выше интересов международного сообщества. Наглядным свидетельством провокационных действий со стороны вооруженных сил Украины является обстрел территории Российской Федерации в Ростовской области. Можно привести множество примеров провокационных действий США и других государств в последние десятилетия. Все эти действия — и вооруженные репрессалии, и вооруженные провокации — являются противоправными действиями, а значит, должен быть выработан единый подход к данным видам международных преступлений.

3. Преступления против безопасности человечества. Данный вид современных международных преступлений не имеет четко очерченных квалифицирующих признаков. В п. 1 ст. 5 Римского статута говорится о том, что «преступления против человечности входят в число самых серьезных преступлений, вызывающих обеспокоенность международного сообщества в целом, обуславливают и влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность и предполагают совершение деяния, которое является недопустимым в соответствии с общепризнанными нормами международного права, признаваемыми основными правовыми системами мира» [8]. Данное положение не содержит перечень преступлений против человечества. Статья носит обобщающий характер, но не раскрывает правовое содержание и виды данных преступлений, в отличие, например, от преступления геноцида. В ст. 7 Римского статута перечислены преступления, относящиеся к преступлениям против человечности: убийство; истребление; порабощение; депортация или насильственное перемещение населения; заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права; пытка; изнасилование, обращение в сексуальное рабство; принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; преследование любой идентифицируемой группы или

общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда; насильственное исчезновение людей; преступление апартеида; другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий, или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

Столь подробное перечисление преступных деяний как бы «отождествляет» обычное уголовное преступление, предусмотренное уголовным законодательством государств, и преступления против человечности, предусматривающие ответственность не только конкретных физических лиц, чья вина очевидна и доказана, но и государств, проводивших данную преступную политику. В этом отношении Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечности 1996 года (далее — Проект 1996 года) более точен, ибо в ст. 18 данного проекта зафиксировано положение, согласно которому к перечисленному перечню преступных деяний против человечности добавляется весьма важное условие, а именно — широко масштабный и систематический характер совершенных преступлений и инициирование данных преступлений правительством государства. Наглядным примером является преступная политика правительства Украины в отношении своих граждан на юго-востоке Украины, поддерживаемая и управляемая США и их партнерами по НАТО.

Говоря о видах преступлений против безопасности человечества, следует рассмотреть проблему соотношения уголовно-правовой квалификации, принятой в Уголовном кодексе РФ и в международных конвенциях. Особо значимой является глава 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» УК РФ (статьи 353—360), где определены составы таких преступных деяний, как планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсичного, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенные международным договором РФ, применение в вооруженном конфликте методов и средств, запрещенных международным договором РФ, применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ, геноцид, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, и др. Если сравнить виды преступлений, указанных в главе 34 УК РФ и ст. 7

Римского статута, то мы увидим некоторое различие. Отдельные виды преступлений присутствуют в одном перечне, но отсутствуют в другом. Более того, во многих учебниках международного права под преступлением против мира и безопасности человечества понимаются деяния лиц, воплощающие преступную политику государства, т. е. агрессия, колониализм, геноцид, экоцид, расовая дискриминация, акты международного терроризма. Этот перечень расходит с перечнем уголовного законодательства РФ.

Нам представляется, что основным отличием преступлений против человечества является то, что они совершаются по умыслу преступной политики руководителей государств, по заранее продуманному плану и тщательно планируются. В Проекте 1996 года говорится: «Преступления против мира и безопасности человечества являются преступлениями по международному праву и наказываются как таковые, вне зависимости от того, наказуемы ли они по внутригосударственному праву» (ч. 2 ст. 1). При этом Проект 1996 года проводит четкое различие между уголовно-правовой ответственностью индивида и международно-правовой ответственностью государств. Следует обратить внимание на проблему разграничения уголовно-правовой и международно-правовой ответственности. Этот вопрос был предметом оживленной дискуссии в Комиссии международного права [6, ст. 94]. Как отмечает И.И. Лукашук, некоторые ее члены возражали против использования самого термина «преступление» в отношении государств, считая, что это ведет к криминализации поведения государств, что противоречит природе международного права. Однако большинство сочло, что термин «преступление» имеет целью обозначить особенно серьезные нарушения международного права и не привносит какого-либо уголовного звучания. Государство не может нести уголовно-правовую ответственность [15, с. 10]. В ст. 4 Проекта 1996 года, которая называется «Ответственность государства», закреплено следующее положение: «Ответственность отдельных лиц за преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренная в настоящем Кодексе, никоим образом не влияет на ответственность государств по международному праву».

Вместе с тем было бы абсолютно неправильно считать непричастным государство, совершившее акт агрессии или иное преступление, квалифицируемое как преступление против мира и безопасности человечества, и не объявить ему политические санкции в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН и принципами и нормами международного права. Другое дело, когда под предлогом якобы готовящегося международного преступления

отдельные государства проводят незаконные санкции, вплоть до вооруженного вмешательства. Именно такие действия и противоречат современному международному праву.

4. Военные преступления. В наше время, когда вооруженные конфликты охватили многие регионы земного шара и связаны с использованием современных видов оружия, наносящих чрезмерный ущерб мирному населению, многие люди сомневаются в том, что нормы международного права и внутригосударственные законы могут регулировать поведение людей в такой исключительной, анархической, жестокой ситуации, как вооруженный конфликт, ссылаясь на то, что практически во всех государствах национальное законодательство запрещает внутренние вооруженные конфликты, а международное право вне закона. Такая концепция позволяет руководителям (правительствам) государств, на территории которых происходит вооруженный конфликт (наглядный пример — Украина), объявить его внутренним делом государства, а от ответственности уйти, прикрываясь лозунгом о проведении антитеррористической операции или борьбы с сепаратистами.

При этом никогда не оспаривалась применимость внутригосударственного права — уголовного (военного) и дисциплинарного права — к действиям во время вооруженного конфликта. Даже в реальности современных конфликтов доводы (в том числе лицемерные), провозглашенные правительствами или иными воюющими субъектами, опираются на стандарты, касающиеся не только того, когда может быть применено вооруженное насилие, но и того, как его можно применить. На уровне суждения о действиях (а именно в этом и состоит суть права) современные конфликты не обходятся без обращения к международному гуманитарному праву: его можно найти в резолюциях Совета Безопасности ООН и на плакатах демонстрантов, в речах политиков и газетных статьях, в политических памфлетах оппозиционных движений и докладах неправительственных организаций, в военных уставах и постановлениях для солдат и памятных записках дипломатов. Все это мы наблюдаем в наше время. Люди с совершенно различным культурным и интеллектуальным багажом, чувствами и политическими воззрениями солидарны в том, что во время вооруженного конфликта убийство «вражеского» солдата на поле боя и убийство женщин и детей из-за того, что они принадлежат к неприятельскому стану, — совсем не одно и то же. Именно последнее и называется военным преступлением.

В Уставе Нюрнбергского военного трибунала были определены следующие виды военных преступлений: а) нарушения законов и обычаев ведения войны, в том числе убийства, иста-

зания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства либо истязания военнопленных или лиц, находящихся в море во время кораблекрушения; убийства заложников; бессмысленное разрушение городов или других населенных пунктов; разорение объектов жизнедеятельности людей, не оправданное необходимостью, и другие преступления.

В ст. 8 Римского статута установлена юрисдикция МУС над обширным перечнем военных преступлений. Римский статут объединил теоретические концепции и практику международных военных трибуналов. МУС правомочен рассматривать военные преступления, совершенные во время как международных конфликтов, так и военных конфликтов немеждународного характера. Сегодня некоторые государства, и прежде всего Соединенные Штаты Америки, не согласны с положением о распространении юрисдикции МУС на преступления, совершенные в ходе внутренних вооруженных конфликтов [27, р. 78].

Военные преступления, совершенные в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера, не могут быть оправданы, ибо в международном праве не существует критериев, позволяющих разделить военные преступления на «законные» и «незаконные». Нормы Женевской конвенции о защите жертв войны 1949 года и дополнительных протоколов к ней 1977 года являются общепризнанными нормами международного права и применяются безотносительно статуса вооруженного конфликта.

В ст. 8 Римского статута определяется юрисдикция МУС в отношении военных преступлений только тогда, когда они совершены в рамках плана или политики государств либо носят широкомасштабный характер [9]. Как отмечает ряд авторов, данная формулировка «имеет компромиссный характер: широкомасштабные преступные действия или условия их совершения в рамках плана либо политики государств не являются необходимыми элементами для квалификации преступных деяний в качестве военных преступлений» [11, с. 38].

Таким образом, существующая неопределенность затрудняет процесс преследования конкретных виновных лиц в военных преступлениях, и особенно при вооруженных конфликтах немеждународного характера. Это отчетливо проявляется в настоящее время в ходе вооруженного конфликта (гражданской войны) на юго-востоке Украины. Ни международные судебные учреждения, ни иностранные эксперты не дают правдивой оценки происходящих событий. Реальная ситуация такова (это подтверждают наблюдатели ОБСЕ на Украине), что при попытке защитить пострадавших на юго-востоке Украины даже простейшие моральные доводы встречают огромное

количество контраргументов, и только ссылка на конкретные нормы международного права значительно охлаждает запал приводящих их людей.

Особенность военных преступлений состоит в том, что за нарушение определенных норм международного права соответствующее наказание непосредственно несет лицо, совершившее это деяние или отдавшее преступный приказ. Установление личной уголовной ответственности объясняется тем, что без этого невозможна эффективная борьба с наиболее тяжкими международными преступлениями. Таким образом, личная ответственность непосредственно по международному праву установлена лишь в отношении преступлений против мира и безопасности человечества. Физические лица могут нести уголовную ответственность и за серьезные нарушения иных норм международного права, но это уже ответственность по уголовному праву государств. В этой связи в учебнике «Международное уголовное право» говорится: «Индивид несет непосредственную ответственность по международному праву в строго определенных случаях. При этом, в отличие от государства, он несет международную уголовно-правовую ответственность. В остальных случаях за нарушение норм международного права он несет ответственность по внутригосударственному праву» [15, с. 72].

Парадокс заключается в том, что для привлечения конкретного лица за военные преступления к международной уголовной ответственности необходимо признание международным сообществом или должностным лицом (прокурором МУС) данного деяния международным преступлением. Привлечение к ответственности по национальному уголовному законодательству представляется абсурдным, ибо практика показывает, что подобные лица объявляются в государстве «национальными героями» (пример — дело Савченко).

В этой связи требуется строгое соблюдение положения Римского статута о личной уголовной ответственности (ст. 25). Лицо, совершившее преступление, относящееся к юрисдикции МУС, является лично ответственным и подлежащим наказанию в соответствии с Римским статутом. Но для этого государству необходимо быть полноправным членом МУС.

5. Ввод вооруженных сил на территорию иностранного государства для вмешательства в его внутренние дела. Ввод ограниченного контингента вооруженных сил на территорию иностранного государства (без санкции Совета Безопасности ООН для проведения операции по поддержанию мира) как вид международного преступления (исключая акт агрессии) широко применялся в XIX—XX веках государствами с различным социальным строем

(капиталистическим и социалистическим) как в интересах этих государств, так и по просьбе правительств или народа государства введения войск. Зачастую эти «просьбы» являлись предлогом для введения войск на территорию суверенного государства. Вот почему данный вид противоправного действия сродни вооруженной интервенции. Как показывает практика, этот вид международного преступления характерен был и для Советского Союза, и для США, и для других государств. Достаточно вспомнить ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года, не говоря уже о наведении так называемого порядка по поддержанию социалистического строя в Венгрии в 1956 году. Особо следует отметить ввод войск Советского Союза в Афганистан в 1979 году для поддержания угодного правительства.

Раньше аналогичная практика применялась Соединенными Штатами Америки. Достаточно вспомнить факты высадки американских войск в Ливане и британских войск в Иордании в июле 1958 года, послужившие предметом рассмотрения III Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Современная политика ряда государств не изменилась. Достаточно объективно оценить действия США и их союзников в бывшей Югославии, ввод войск США в Афганистан под предлогом борьбы с международным терроризмом, вооруженную интервенцию США и их союзников в Ливии, Ираке, Сирии, размещение военных баз в странах Прибалтики, государствах средней Азии (Киргизии) и других регионах мира.

В военной доктрине РФ 2014 года к числу основных действий США и их союзников, представляющих военную опасность для нашего государства, относится «развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Российскую Федерацию».

Опыт подсказывает, что присутствие вооруженных сил на территории других государств вопреки воле последних является прямым продолжением агрессивной войны или вооруженной интервенцией и направлено против территориальной целостности и политической независимости этих государств. В данном случае имеет место грубейшее нарушение п. 4 ст. 2 Устава ООН, который закрепляет необходимость воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости государств.

В современном международном праве существуют критерии, при которых допустимо вмешательство во внутренние дела государств с

применением силы. А такое действительно возможно: а) при возникновении угрозы международному миру и безопасности — «классическое» положение, прописанное в Уставе ООН; б) при возникновении гуманитарных катастроф и необходимости защиты мирного населения; в) при воцарении хаоса и неуправляемости на территории распадающихся государств с возможными негативными последствиями (концепция Failed States).

В данном контексте уже сформулированы критерии вмешательства, о них можно спорить, но их нельзя игнорировать. Проблема осложняется тем, что существует много пробелов в современном международном праве, которые создают своеобразный вакуум, который заполняется зачастую противоправными действиями государств. Ввод войск на территорию иностранного государства всегда мотивируется благими намерениями — как правило, сохранением международного мира и правопорядка. Но на деле это далеко не так. Наглядным примером является ввод войск США на территорию ряда государств Европы, Ближнего Востока и Азии. Отличительной особенностью данного вида преступлений является то, что они не находятся ни под юрисдикцией МУС, ни под юрисдикцией уголовного законодательства государств. Действительно, трудно определить виновное лицо в данном виде преступления, ибо ввод войск на территорию иностранного государства санкционируется парламентами (конгрессами, советом федерации и т. д.), а не только главами государств.

Список литературы

1. Андреев М.В. Политико-правовая институциональная система всеобъемлющей и региональной безопасности. Казань: Центр инновационных технологий, 2009.
2. Аргументы и факты. 2014. № 44. 29 окт. — 4 ноября.
3. Гришаев П.И. Международная преступность и ее причины. М., 1987.
4. Дипломатический словарь в 4-х т. М., 1960. Т. 1.
5. Дипломатический словарь: в 3-х т. М., 1985.
6. Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии. Нью-Йорк, 1995.
7. Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок шестой сессии. Нью-Йорк, 1994.
8. Док. ООН. PCNICC/2000/1/Add.2.
9. Док. ООН. A/CONF. 183/9.
10. Кортунов С.В. Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности. М., 2009.
11. Крюков А.Ш. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного Уголовного Суда // Римский Статут Международного Уголовного Суда: имплементация на национальном уровне: материалы конф. М., 2005.
12. Лазутин Л.А. Право международной безопас-

ности как отрасль современного международного права: дискуссионные вопросы // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011.

13. Левин Д.Б. Международное право и сохранение мира. М., 1971.

14. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26.

15. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: учеб. М., 1999.

16. Лысов И.С. Ответственность за преступления геноцида в институте совместных преступных действий в современном международном праве // Международное право: вызовы современности / отв. ред. А.И. Абдуллин, Л.Х. Мингазов, Г.Р. Шайхутдинова. Казань, 2013.

17. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 12. 18. Международное право в документах. М., 1999.

19. Полтораки А.И. Нюрнбергский процесс. М., 1966.

20. Резолюция PC/Res. 6 от 11.06.2010. URL: http://212.159.242.181.iccdocs/asp_docs/Resolution/RS-Res.6-RUS.pdf (дата обращения: 04.04.2015).

21. Российский ежегодник международного права. Спец. выпуск. СПб., 2012.

22. Системная история международных отношений: в 4 т. М., 2003. Т. 3.

23. СЗ РФ. 2000. № 17. Ст. 3844-3861.

24. Скуратова А.Ю. Международные преступления: Современные проблемы квалификации. М., 2012.

25. Черниченко С.В. Теория международного права: в 2 т. М., 1999. Т. 2.

26. Хлестов О.Н. Новые рубежи: прогноз развития международного права // Международное право. 2001. № 3.

27. Broomhall B. International Justice and the International Criminal Court: Between Sovereignty and the Rule of Law. Oxford, 2003.

28. ILC Report (1998). URL: <http://legal.un.org/ilc/sessions/50/50sess.htm> (дата обращения: 04.04.2015).

29. Institut de droit international. Tableaux generaux des resolutions (1873-1956). Bale, 1957.

30. International Law / ed. by M.C. Bassiouni. 2nd ed. N.Y., 1999. Vol. I: Crimes.

31. Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana. Case No. ICTR-95-1, Decision 21 May, Rara.

References

1. Andreev M.V. Politiko-pravovaya institutsional'naya sistema vseob'emlyushchei i regional'noi bezopasnosti. Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2009.
2. Argumenty i fakty. 2014. № 44. 29 okt. — 4 noiabria.
3. Grishaev P.I. Mezhdunarodnaia prestupnost' i ee prichiny. M., 1987.
4. Diplomaticheskii slovar' v 4-kh t. M., 1960. T. 1.
5. Diplomaticheskii slovar': v 3-kh t. M., 1985.
6. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava o

rabote ee sorok sed'moi sessii. N'iu-Iork, 1995.

7. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava o rabote ee sorok shestoi sessii. N'iu-Iork, 1994.

8. Dok. OON. PCNICC/2000/1/Add.2.

9. Dok. OON. A/CONF. 183/9.

10. Kortunov S.V. Sovremennaiia vneshniaia politika Rossii. Strategia izbiratel'noi vovlechenosti. M., 2009.

11. Kriukov A.Sh. Prestupleniia, podpadaiushchie pod iurisdiksiu Mezhdunarodnogo Ugolovnogo Suda // Rimskii Statut Mezhdunarodnogo Ugolovnogo Suda: implementatsiia na natsional'nom urovne: materialy konf. M., 2005.

12. Lazutin L.A. Pravo mezhdunarodnoi bezopasnosti kak otrasl' sovremennogo mezhdunarodnogo prava: diskussionnye voprosy // Pravo mezhdunarodnoi bezopasnosti: sovremennoe videnie i soputstvuiushchie problemy mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva: mezhvuz. sb. nauch. tr. Ekaterinburg, 2011.

13. Levin D.B. Mezhdunarodnoe pravo i sokhranenie mira. M., 1971.

14. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 26.

15. Lukashuk I.I., Naumov A.V. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo: ucheb. M., 1999.

16. Lysov I.S. Otvetstvennost' za prestupleniia genotsida v institute sovmestnykh prestupnykh deistvii v sovremennom mezhdunarodnom prave // Mezhdunarodnoe pravo: vyzovy sovremennosti / otv. red. A.I. Abdullin, L.Kh. Mingazov, G.R. Shaikhutdinova. Kazan', 2013.

17. Marks K., Engel's F. Sobr. soch. 2-e izd. T. 12.

18. Mezhdunarodnoe pravo v dokumentakh. M.,

1999.

19. Poltorak A.I. Niurnbergskii protsess. M., 1966.

20. Rezoliutsiia PC/Res. 6 ot 11.06.2010. URL: http://212.159.242.181.iccdocs/asp_docs/Resolutions/RS-Res.6-RUS.pdf (data obrashcheniia: 04.04.2015).

21. Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. Spets. vypusk. SPb., 2012.

22. Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh odnoshenii: v 4 t. M., 2003. T. 3.

23. SZ RF. 2000. № 17. Ст. 3844—3861.

24. Skuratova A.Iu. Mezhdunarodnye prestupleniia: Sovremennye problemy kvalifikatsii. M., 2012.

25. Chernichenko S.V. Teoriia mezhdunarodnogo prava: v 2 t. M., 1999. T. 2.

26. Khlestov O.N. Novye rubezhi: prognoz razvitiia mezhdunarodnogo prava // Mezhdunarodnoe pravo. 2001. № 3.

27. Broomhall B. International Justice and the International Criminal Court: Between Sovereignty and the Rule of Law. Oxford, 2003.

28. ILC Report (1998). URL: <http://legal.un.org/ilc/sessions/50/50sess.htm> (data obrashcheniia: 04.04.2015).

29. Institut de droit international. Tablean generale des resolutions (1873—1956). Bale, 1957.

30. International Law / ed. by M.C. Bassiouni. 2nd ed. N.Y., 1999. Vol. I: Crimes.

31. Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana. Case No. LCTR-95-1, Decision 21 May, Rara.

International Crimes as Continuation of Modern External Policy of the USA and Allies

Lev A. Lazutin,

Doct. in Law, Prof.,

Head of Dept. of International and European Law

at Ural State Law University

Russia, Yekaterinburg

mp@usla.ru

The most wide-spread international crimes occurred by the USA and its allies are considered. The author regards the crimes as an extension of modern external policy of these states and gives legal evaluation of the crimes.

Keywords: international crime, aggressive war, crimes against humanity, war crime.